
Предательски зима заходит с тыла,
Как ранняя скупая седина,
И кажется, что жизнь, где я любила,
Отныне сочтена –

Сосчитана, как мелочь на прилавке,
Как выгодный барыш ростовщика,
Измерена и стянута удавкой
Просторного мешка.

Но поздний луч, что грошик неучтённый,
Застравший меж скрипучих половиц,
Протиснется сквозь толщу массы тёмной
Из туч и птиц,

И скроется – невыразимо лёгок,
Как вылет молодого чеграша,
Чтоб вспомнила себя светло и строго
Душа.

Сторона – солона,
Но и отчая гарь горька,
Где ни камня на камне,
Ни на угольке уголька,
Где полынь да крапива
Хлопочут у очага,
И плакучая ива
Ещё бережёт берега!

Отчий храм не воздвигнутый –
Кровный нетленный прах,
Ох, и тесно же мне
На твоих четырёх ветрах,
То застывших,
То гнущих на раз-два-три
Белопамятных плит
Закалённо-стальные штыри!

Уходит снег, тяжёл и чужд,
Так ожидаемо-внезапно –
Баз хлипкой каши, долгих луж –
Единым необъятным залпом.

Рывком разбуженная твердь
Трепещет не от страсти пылкой,
Но каждой прошлогодней былкой
Свою отпугивая смерть.

А по ложбинам, где в снежницах
Живую влагу пили птицы,
Взойдут прощальные слова –
Степной подснежник – сон-трава.

Рассвет

Зари тетива золотая
Застыла на новом скачке,
Но лебедь стальная, взлетаая,
Плывёт по небесной реке.

Гудят изумлённые крылья,
Не веря ещё высоте,
А свет в нестерпимом бессилье
Лежит на порожней черте...

И время становится вязким,
Удушливый тянется час,
Мучительно плаваются краски
Воздушных невидимых масс.

Но вот сквозь глухую заставу
Далёких недвижимых туч
Восходит, как счастье и слава,
В пространстве сияющий луч.

Дистих

1

Дай мне сил удержат в неподвижном строю
Эту строгую стройную тяжесть мою
Невесомой надеждой на скорую боль,
Что от века рифмуется только с тобой!

Всё как в детстве: сдираешь коросты с колен
И наивно надеешься – переболел,
А на деле – сквозь розовый нежный покров
Проступает густая солёная кровь.

Сквозь белила привычной размеренной лжи
Проступает румяная жизнь!

2

Наш колодец исчерпан до вязкого дна,
До лоснящейся рыжей назойливой глины,
Но мне слышно, как стонет ночами вода,
Изнутри распирая глухие глубины,

Как базальтовый бархат подземных зеркал,
И гудит, и пружинит в несметной натуге...
Он таит до надрыва всё то, что искал
Ты во мне.
И всё то, что извечно мы ищем друг в друге.

Так чувствовать стоит дорого!
Но хочешь, отдам за так
Дыхание злого города,
Сорвавшееся мне в такт?

Я искренняя и щедрая.
В деревне таких полно.
И сколько бы раз ни предали,
Мы чувствуем всё равно.

Тебе, утончённо ветреный,
Шершавый сухой ковыл,
Тогда я – почти – поверила...
Теперь ты – почти – забыл.

Когда земное время схлынет прочь,
Всесильное отзывчивое слово
Вернёт меня в декабрьскую ночь
Далёкого две тысячи шестого,

Где молодость, как талая вода,
Воскресшая без спроса и до срока, –
Весёлая упрямая беда –
Отчаянно течёт по водостокам,

Где царствуют сосновые дрова
В печном уюте – тесном и жестоком,
Где лишь любовь наивна и права,
И оттого она зовётся Богом!

Та самая Скифия – север стихии,
Скупая и строгая родина орд,
Раскрытые небу ладони сухие,
Где тонкой струёй извивается Корт.

Не здесь ли, вминая прибрежную глину,
Душа моя поит и холит коня,
Чтоб смело бросаться в любую стремнину
И вновь восставать из любого огня?

Родниковую лаву – стихию речь –
Можно только черпая уберечь,
К воспалённым устам поднося в горсти.
Только тем и можно себя спасти.

Ведь всего и дела-то: пей да пой,
Подавая всякой душе слепой
Путеводный голос, благую весть:
Я здесь.

Милый гробок для чужого кольца –
Это начало какого конца?
Это конец для начала чего?!
Это распустье пути моего.

Это фактура, и форма, и цвет
Боли, которой названия нет, –
Бархатный чёрный квадратный провал –
Хаос, который меня миновал...

Розовый свет на поклонном кресте
Сманит в закатную тёплую степь.
Нежитью выйдешь, чтоб видеть в упор
Семиконечный крылатый простор.

Белые сети последней метели
Режут ладони худым фонарям.
Животрепещущий ветер апреля
Дик и упрям.

Колкую взвесь золотого улова
Гонит он сквозь световые садки.
Вязнет в пучине бесплотное слово
Из-под руки.

Только присядь дожидаться подводы
В этот уютный услужливый снег –
Валом сомкнутся тяжёлые своды
Ласковых век!

Но на прощание мамой накинута
Млечный платок пуховой паутины.

Но во спасение стан окольцован
Чёрной овчины тулупом отцовым!